

Среди „великихъ міра сего“

(изъ воспоминаній о прошломъ).

Это было съ чѣмъ-то 20 лѣтъ тому назадъ; я, волею судебъ, былъ закинутъ въ одинъ изъ сѣверныхъ губернскихъ городовъ. Населеніе этого города какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи, въ годы освободительнаго движенія, дѣлилось рѣзко на правыхъ и лѣвыхъ; промежуточныхъ политическихъ убѣжденій не наблюдалось. Послѣдствіемъ этого было то, что, съ одной стороны, городъ этотъ могъ быть поставленъ въ число передовыхъ, такъ какъ въ немъ было просвѣтительное общество, очень интенсивно работавшее на пользу народа, и существовалъ построенный этимъ обществомъ народный домъ, а съ другой стороны, въ самомъ началѣ контр-революціи, въ 1905 году, этотъ самый народный домъ былъ разгромленъ и сожженъ революціонерами справа—почти сплошь людьми темными, невѣжественными.

Но этотъ антагонизмъ проявился только въ 1905 году, а въ то время, къ которому относятся настоящія воспоминанія, такого рѣзкаго дѣленія не было замѣтно, и будущіе правовѣрные монархисты легко и свободно уживались бокъ-о-бокъ съ будущими революціонерами, а порой и дѣйствовали, работали рука объ руку, солидарно.

Въ одно время со мной въ томъ же городѣ находились, между прочимъ, также занесенные въ него по прихоти судьбы, помимо ихъ доброй воли и желанія, и гг. Н. А. Бердяевъ, П. Е. Щеголевъ и Ремизовъ. Первый изъ нихъ и тогда уже былъ челоѣкъ съ именемъ, печатался въ толстыхъ журналахъ, какъ публицистъ и философъ, и заставлялъ о себѣ говорить; второй и третій не пользовались еще большой извѣстностью въ широкихъ кругахъ, но сами о себѣ, повидимому, были очень высокаго мнѣнія, въ особенности г. Щ., который подобнымъ мнѣ мелкимъ сошкамъ никогда не подавалъ, при встрѣчѣ, болѣе двухъ пальцевъ—точь-въ-точь превосходительный сатрапъ „временъ Очакова и покоренія Крыма“.

Какъ я уже сказалъ, въ городѣ существовало просвѣтительное общество, которое, если не ошибаюсь, дѣлилось на три отдѣла: библиотечный, театральный и народныхъ развлеченій; изъ нихъ второй работалъ тогда

особенно много и успѣшно. Изъ числѣ первыхъ персонажей въ этомъ отдѣлѣ состоятъ и г. Щ, принималъ нѣкоторое участіе и я; гг. Б. и Р. не участвовали, а только отъ времени до времени появлялись за кулисами и среди публики наподобіе почетныхъ гостей. Первый не желалъ появляться на подмосткахъ, повидимому, исходя изъ того соображенія, что такое занятіе, какъ любительская игра на сценѣ, недостойно „великаго“ человѣка; а г. Р.—просто за неимѣніемъ времени. Этотъ послѣдній вообще держался скромно, одѣвался просто, непретенціозно, много работалъ надъ переводами ради куска хлѣба, являя полную противоположность г. Б., который

РИС. ХУД. К. ЕЛИСЬЕВА.

ЕЛОВЫЙ ЛѢСЪ.

и стоялъ, и сидѣлъ, и шелъ, и одѣвался дѣланно, рисуясь. Г. Щ. держался еще болѣе ненатурально; разъ усвоивъ олимпійское величіе, онъ такъ и не измѣнялъ себѣ, ни на юту не понижалъ тона; не протестовалъ, что окружающіе, въ особенности прекрасный полъ, относились къ нему съ сугубою почительностью. Какъ интересенъ бывалъ онъ въ тѣ минуты, когда, на ренетиціяхъ, спѣвкахъ и т. п., окруженный дамами, онъ говорилъ имъ что либо, въ сущности очень обыкновенное, банальное, но что окружающіе должны были принимать—да и дѣйствительно принимали за нѣчто особенное, значительное.

Надо сказать, что было это въ пору расцвѣта символизма и декадентства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, во время начинавшагося проникновенія ученія марксистовъ въ широкія пролетарскія массы. Это ученіе въ то время въ интеллигентныхъ кругахъ еще такъ мало было распространено и усвоено,

что, какъ извѣстно, даже такой публицистъ, какъ покойный Н. К. Михайловскій съ нимъ еще мало былъ знакомъ, и „Русское Богатство“ бесплодно, но горячо полемизировало съ органами марксистскаго направленія. Это вызывало такую путаницу въ умахъ провинціальной читающей братіи что она валила въ одну кучу и декадентовъ, и символистовъ, и марксистовъ. Да, помнится, и г. Щ. всѣмъ этимъ тремъ теченіямъ русской мысли придавалъ одинаково важное значеніе.

На этой почвѣ однажды разыгралась цѣлая исторія: въ печати (не помню, въ какомъ именно органѣ) появилось стихотвореніе „Памяти встрѣчи“; стихотвореніе это являлось шедевромъ символической поэзіи; о немъ обмолвился нарою словъ рецензентъ въ одномъ толстомъ журналѣ. Г. Щ. прочиталъ его на одной репетиціи въ нашемъ любительскомъ кружкѣ и комментировалъ, такъ какъ иначе его никто не хотѣлъ признавать перломъ. Фактъ этотъ настроилъ на игриво насмѣшливый ладъ одного мѣстнаго піиту, нѣкоего N, и онъ, будучи искреннимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ Михайловскаго, сочинилъ пародію на стихотвореніе „Памяти встрѣчи“. Пародія, въ спискахъ, пошла гулять по рукамъ, и ее не безъ задней мысли прочли, на репетиціи же, въ присутствіи г. Щ. Правда, піита также сваливалъ въ одну кучу декадентовъ и марксистовъ и потому былъ неправъ. Но онъ былъ искрененъ, возмущался искренно тѣмъ, что, по выраженію нѣкоего „ортодокса“, трудовому народу предстоитъ и должно „въ котлѣ фабричномъ перевариться“, — прелетаризироваться; возмущеніе его раздѣляли и другіе. Поэтому на обязанности г. Щ., какъ марксиста, лежало объяснить невѣжественнымъ противникамъ сущность ученія Маркса, втолковать имъ, что они заблуждаются; а онъ, вмѣсто того, началъ сердиться и, подозревая въ авторствѣ одного изъ членовъ кружка, обрушился на него чуть не съ бранью и послѣ этого случая сталъ держаться еще величественнѣе, а по отношенію къ товарищамъ по сценѣ еще пренебрежительнѣе.

Такъ, вскорѣ послѣ того, онъ явно демонстративно заставилъ всѣхъ любителей прождать его на репетицію часа два; явился же съ выраженіемъ многозначительности на лицѣ.

Прекрасный полъ мигомъ окружилъ его, ожидая новостей; посыпались разспросы. И г. Щ. не ударилъ лицомъ въ грязь: сообщил „новость.“

— Господа, — началъ онъ подобно гоголевскому городничему, — я долженъ вамъ сообщить очень грустную вѣсть: Левъ Николаевичъ приказалъ долго жить, и его уже похоронили... тихонько.

Л. Толстой въ то время, дѣйствительно, былъ боленъ и находился на югѣ, о чемъ всѣ, конечно, знали, и потому вѣсть эта всѣмъ показалась правдоподобною.

Въ первую минуту всѣ, пораженные извѣстіемъ, такъ и ахнули, нисколько не подозревая того, что ихъ морочатъ; а г. Щ., довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, что называется, разошелся во-всю. Онъ

сталъ дѣлиться своими воспоминавіями о Толстомъ и, между прочимъ, повѣдалъ, какъ онъ, во главѣ депутаціи отъ петербургскаго студенчества, былъ въ Ясной полянѣ, и какъ помогъ Л. Н. отдѣлаться отъ одного надобдливаго и потому нежелательнаго посѣтителя.

Эта хлестаковщина его до того была наивна, что многимъ изъ слушавшихъ ее стало стыдно за него, и они демонстративно ушли за кулисы и занялись какимъ-то дѣломъ. Г. Щ. понялъ это и негодующе умелкъ.

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ въ Москву, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ еще разъ встрѣтилъ г. Щ., но онъ, конечно, меня „не узналъ“. Въ это время онъ уже понашумѣлъ, имѣлъ „имя“ и редактировалъ журналъ.

Г. Б., напротивъ, во время освободительнаго движенія отошелъ къ сторонкѣ и теперь почти забытъ.

Н. Атуръ.

